

Содержание

Предисловие	8
Introduction	8

РАЗДЕЛ I. НАУКА И РЕЛИГИЯ – КОМПАРАТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА УЧЕНИЕ О ЦЕННОСТЯХ

Part I. Science and religion – a comparative view on value concept

<i>И.Т. Касавин. Ценности новой цивилизации: основания поиска и их критическая оценка</i>	9
<i>Иуа Kasavin. Values of new civilization: foundations of quest and their critical evaluation</i>	9
<i>В.С. Стёпин. Философия и религия в социокультурном контексте</i>	22
<i>Vjatcheslav Stepin. Philosophy and religion in socio-cultural context</i>	22
<i>М.О. Шахов. Знания о мире и духовно-нравственные идеалы: существует ли взаимосвязь?</i>	36
<i>Mikhail Shakhov Knowledge of the world and spiritually-moral ideals: whether there is an interrelation?</i>	36
<i>С.П. Шавелев. Переоценки роли религии в обществе и науке: к анализу российского опыта</i>	56
<i>Sergey Schavelev. The Reinterpretation of the Role of Religion in the Society and Science: the analysis of Russian experience</i>	56
<i>В.П. Лега. Проблема чуда с точки зрения современного научного и христианского мировоззрения</i>	73
<i>Victor Lega. The problem of miracle in terms of modern science and Christianity</i>	73
<i>Н.В. Омельченко. Аксиологический потенциал светской теологии</i>	96
<i>Nikolay Omelchenko. Axiological Potential of Secular Theology</i>	96
<i>Е.А. Евстифеева. Ценностный континуум веры</i>	115
<i>E.A. Evstifeeva. The Value Continuum of Belief</i>	115

РАЗДЕЛ II. ЦЕННОСТНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СОВРЕМЕННОМ ЕСТЕСТВОЗНАНИИ И В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Part II. The problem of value in the contemporary natural and social sciences

<i>И.Д. Невважай. О природе должного в науке</i>	125
<i>Igor Nevvazhay. The Nature of Internal Norms in Science</i>	125

<i>Д.П. Кузнецов. Медицина и биоэтика: проблема интеграции общества</i>	141
D. Kuznetsov. Medicine and bioethics: towards the integration of society	141
<i>В.Б. Злоказов. Психология и религия глазами кибернетики</i>	156
Victor Zlokazov. Psychology and Religion as viewed by Cybernetics	156
<i>А.П. Забияко. Компьютерные технологии как фактор религиозных трансформаций</i>	176
Andrej Zabijako. Computer technologies as the factor of religious transformations	176
<i>Л.О. Пазина. Проблема ценностей в экзистенциальных духовных реальностях как типах мировоззрения</i>	182
Lyudmila Pazina. Types of outlooks as a basis of existential spiritual realities	182
<i>Н.А. Калюжная. Смысл, ценность и вера как дискурсивные основания адаптации и развития человека в гуманистической психологии и теологии</i>	201
Nadezhda Kalyuzhnaya. Meaning, value and faith as discursive foundations of human adaptation and development in the humanistic psychology and theology	201
<i>Е.В. Золотухина. Бытийность ценностей: современный познавательный поиск</i>	211
E.V. Zolotukhina. Ontological values: modern scientific research	211

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ АКСИОЛОГИИ

Part III. The historical-philosophical aspects of axiology

<i>Б.Л. Губман. Ценностные основания иудео-христианского мировоззрения и философия истории постмодерна</i>	220
Boris Gubman. Value Foundations of Judeo-Christian Worldview and Postmodernist Philosophy of History	220
<i>А.И. Алёшин. Джанни Ваттимо о феномене возрождения христианской веры в эпоху постмодерна (ценности в религии и социогуманитарном знании)</i>	235
Albert Alyoshin. Gianni Vattimo on the phenomenon of resurgence of Christian belief in post-modern times (values in religion and socio-humanitarian knowledge)	235
<i>С.В. Рассадин. Проблема становления социологического дискурса как антитезы философской и религиозной метафизикам</i>	257
S.V. Rassadin. On the Problem of the Emergence of the Sociological Discourse as the Alternative to the Philosophical and Religious Social Metaphysics	257

С.А. Коначева. О теологических истоках фундаментальной онтологии М.Хайдеггера	267
Svetlana Konacheva. The theological sources of Heidegger's fundamental ontology	267
Д.Р. Яворский. Социокультурный универсализм в теологическом и научном дискурсах	285
Dmitry Javorsky. Cultural universalism in theological and scientific discourses	285
Е.Н. Ивахненко. Наука и религия в русском просвещении: от столкновения и конфликта к компромиссу и взаимодействию	300
Eugene Ivakhnenko. Science and religion in Russian Enlightenment: from collision and the conflict to the compromise and interaction	300
В.И. Стрелков. О христианских мотивах в философии истории новейшего времени	321
Vladimir Strelkov. The Christian motives in modeling of history	321
С.Е. Туркулец. Вера как духовная ценность в религиозном и правовом сознании	330
Svetlana Turkuletz. Faith as a spiritual value within religious and legal consciousness	330

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное издание включает материалы конференции «Ценностный дискурс в науках и теологии», которая проходила в октябре 2008 г. в рамках проекта «Наука и духовность» при поддержке Фонда Джона Темплтона (США), Парижского Междисциплинарного университета и Университета Элон (США). Ее организаторами были Институт философии РАН, Российская академия государственной службы при Президенте РФ и Российский государственный гуманитарный университет.

В работе конференции приняли участие специалисты по эпистемологии и философии науки, философии и истории религии из Института философии РАН, Российского государственного гуманитарного университета, Российской академии государственной службы при Президенте РФ, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Амурского, Тверского, Ростовского и Новосибирского государственных университетов, Курского государственного медицинского университета и других научных учреждений.

Среди важнейших проблем, обсуждавшихся на конференции, выделялись следующие:

- роль религиозных ценностей в генезисе и развитии социально-гуманитарных наук;
- диалог о ценностях в теологии и методологии социально-гуманитарных наук;
- ценности как основа для сближения или разделения человечества;
- онтологическая абсолютность и конвенциональность в религиозных и светских ценностях;
- может ли знание о мире быть основой для формирования ценностей (современная теологическая и научная оценка «принципа Юма»);
- историко-философские аспекты аксиологии.

Участники конференции рассмотрели широкий спектр концепций сущности духовных ценностей — от их традиционной теологической интерпретации до новейших постмодернистских концепций, изучили возможности и перспективы диалога между последователями различных мировоззрений, точки единения и оппозиции ценностного дискурса в теологии и в нерелигиозной науке.

**РАЗДЕЛ I.
НАУКА И РЕЛИГИЯ – КОМПАРАТИВНЫЙ ВЗГЛЯД
НА УЧЕНИЕ О ЦЕННОСТЯХ**

**Part I.
Science and religion – a comparative view on values**

И.Т. Касавин

**ЦЕННОСТИ НОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ОСНОВАНИЯ
ПОИСКА И ИХ КРИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА**

Ilya Kasavin

Values of new civilization: foundations of quest and their critical evaluation

The transitional period at the beginning of the XXI century demands new intellectual efforts to find the ways for the future. The philosopher's role, besides all, is to analyze and criticize worldview systems in order to achieve a future value synthesis. Contemporary cultural resources (science, philosophy, religion, art, myth, moral and everyday consciousness) rooted in different social experience should be critically analyzed in terms of transition from the so called technogenic civilization to a new desirable social and intellectual order. This discourse leads to the following questions. What are values? Are they changeable in the course of history? How can the cultural dynamics be foreseen and influenced? Are there any signs and examples of new value synthesis in the modern culture? Is the synthesis of values belonging to different cultures, social groups and types of intellectual praxis possible at all? How science and religion interact in terms of this?

Динамика культуры: идентичность и диалог

Современная техногенная цивилизация нуждается в адекватном решении ряда глобальных проблем экологии, демографии, бедности, терроризма и пр. Согласно В.С.Стёпину, есть два сценария в поиске такого решения. Первый основан на доминирующих ценностях современности, или приоритетах: технологического прогресса по отношению к экологии, научной рациональности по отношению к традиции, личности по отношению к обществу, формального закона по отношению к личности, максимизации продукции и потребления по отношению к ресурсам и т.п. Такое решение приведет к еще большему обострению проблем техногенной цивилизации и в итоге к катастрофе. Второй сценарий предполагает радикальную смену ценностных приоритетов. Необходим анализ ее условий, вариантов и возможных последствий, который в целом способен стать предпосылкой сравнения двух типов ценностного дискурса в науках, с одной стороны, и в теологии, с другой. Такому выяснению условий возможности сравнения и взаимодействия этих типов дискурса и посвящено мое сообщение.

Проектирование ценностных сдвигов должно учитывать естественное развитие культуры, ее «логику». Какова же логика развития культуры, если использовать модели развития знания, заимствованные из философии науки – кумуляция, смена парадигм или пролиферация?

В качестве объективных закономерностей в культуре обнаруживаются все три формы развития. Кумуляция – принцип отбора, исходящий из прошлого (абстрактная философская норма, акцент на идентичности и определенной позиции в диалоге). Подобно аккумуляции истинных фактов и теоретических обобщений в науке эта модель развития культуры представляет последнюю как собрание достижений, основанное на некоторой абстрактной философской норме совершенства. С этой точки зрения, культура сохраняет идентичность человека и тем самым дистанцирует его от других личностей в диалоге культур. Эта форма культурного выбора сильно детерминирована некой рациональной логикой, предполагающей закономерности, открываемые социальными науками.

Модель смены парадигм — это революционная феноменология, исходящая из настоящего (конкретная социологическая нормальность, акцент на смене идентичности и перемене позиции в диалоге). Она фокусируется на конкретной социологической норме человеческой деятельности, которая может быть изменена и даже полностью заменена другой. Это означает, что культура понимается как сфера произвольного выбора, где всякая норма совершенно несоизмерима с другой. То же касается и человеческой идентичности и позиции в диалоге культур. Согласно этой модели, история культуры представляет собой совокупность или череду различных культурных типов, которые не могут подлежать оценке или взаимному сопоставлению, а выбор между ними направляется не логикой, а эмоциональными предпочтениями.

Третья модель — пролиферация — основана на принципе релятивистского демократизма, исходящего из будущего (слепая психологическая открытость, акцент на утрате идентичности и произвольности позиции в диалоге).

Любая цель, сформулированная четко, оказывается малодостижимой, она почти не имеет общего с реальными результатами человеческой деятельности. Поэтому будущее непредсказуемо, и одновременно только будущее позволяет сделать выбор *post factum* между различными культурными системами. Эта модель предполагает, что нет смысла говорить о какой-то определенной идентичности, о самодостаточной позиции в диалоге. Единственная ценность здесь есть, поэтому, широкая психологическая открытость новому. Лозунг этой модели: «цель ничто, движение все».

Я рискну утверждать, что все эти три культурных сценария могут быть прослежены в истории. Однако логика культуры — не описание закономерностей. В значительно большей мере она есть проективная, интенциональная стратегия практического вовлечения в культурное творчество и его теоретическое понимание. И если такой выбор возможен, то у него должны быть мировоззренческие основания, анализ которых делает выбор осмысленным.

Рациональность как регулятивная ценность культуры

Стихийность культурного развития – объективная реальность. Это не значит, что невозможно и не нужно самоопределяться по отношению к этой стихии, а также, участвуя в ней, не придавать ей определенного направления. Некоторое представление о рациональности неизбежно предполагается данной позицией. Отношение к культуре как осмысленной реальности предполагает рациональность как ценность культуры. Из этого вытекает роль философской рефлексии в культурном выборе; идея рационального основания выбора мировоззренческой позиции смыкается с идеей логики культуры.

Реальность античного грека полна богов. Аналогично, мы рассматриваем культуру как реальность, наполненную смыслами. Если мы сознательно вводим значение и смысл в реальность в процессе создания культуры, тогда рациональность должна быть одной из значимых культурных ценностей. Это предполагает лидирующую роль философского дискурса в процессе культурного выбора. В философии науки мы говорим о рациональном выборе теории. Это можно распространить на рациональный выбор культурных универсалий, т.е. некоторых общих идей, касающихся природы, общества, человека, бога, истины, красоты, справедливости, пространства, времени и пр., взятых в конкретном социальном и историческом контексте. Философия может играть важную роль в анализе и производстве новых смыслов культурных универсалий для цивилизации будущего. Главная проблема состоит в том, как соединить ценности нашей собственной культуры с инокультурными ценностями. Являются ли разные культуры несоизмеримыми или нет? До какой степени культурный синтез возможен с помощью рациональных средств? Как возможны прогноз и управление в этой области? Есть ли способы оценки практической применимости наших культурных проектов?

Юрген Хабермас полагает, что можно создать проект коммуникативной рациональности¹ и побудить к его реализации людей, участвующих в социальных дискуссиях и интеракциях. Это, однако, предполагает, что люди в некоторой степени склонны принимать правила рационального дискурса. Политические события последних (и не только последних) лет достаточно ре-

шительно опровергают эту гипотезу, взять хотя бы ряд политических решений, принимаемых в России или США или деятельность террористических организаций. Так или иначе, но современная ситуация отмечена радикализацией противоречий в современном мире. Отношение между наукой и религией из их числа, но оно не первично. Более глобальный характер имеет оппозиция двух культур — западной, христианской, т.н. рациональной культуры и восточной, исламской, т.н. традиционной. Их различие представляется практически несоизмеримостью, обе культуры часто просто игнорируют аргументы друг друга. Человеческая история полна таких ситуаций, они, поэтому, могут рассматриваться как статистически нормальные, хотя и совершенно ненормальные в нравственном отношении. Большинство людей любой культуры страдает во время экономического кризиса, войны или террористической атаки физически или психологически, но никто не может заранее указать никакого рационального выхода из таких ситуаций. Такие решения оцениваются как рациональные только *post factum*, и это в основном продукт взгляда с позиций победителя.

В условиях такой социальной ситуации попробуем поставить несколько общих вопросов. Можно ли вообразить себе что-то вроде независимого пространства, где элементы культур могут отбираться для конструирования новых культурных систем? Есть ли где-нибудь такое интеркультурное пространство типа нейтрального языка наблюдения, над которым размышляли члены Венского кружка и который мог быть использован для сравнения разных культур и рационального культурного выбора? В действительности можно помыслить только два места, где культурные смыслы играют реальную и активную роль: это наша собственная культура или инокультурное пространство. Их различие очевидно: в первой мы живем, а второе для нас лишь концептуальная и эмоциональная конструкция. Культура, к которой мы принадлежим, делает наше знание культурно обусловленным и тем самым неадекватным. Согласно А.Шюцу², объективно и научно можно изучать только чужую культуру. Чужак, посторонний рассматривается как единственная личность, которая в состоянии адекватно анализировать и понимать всякую культурную систему.

Итак, если мы собираемся предпринять сознательную и рациональную попытку в направлении культурного синтеза, то мы должны выйти за пределы всех локальных культурных приверженностей и действовать так, как если бы мы были совершенно нейтральны по отношению к любым нормам, идеалам и ценностям. Однако это совершенно невозможно, ибо такая стратегия немедленно обнаруживает свою вполне определенную культурную нагруженность, а именно, приверженность идеалам научной объективности, заимствованными из мировоззренческой парадигмы классической науки.

И одновременно наше понимание собственной культуры представляет собой конструкцию в неменьшей мере, чем образ чужой культуры. Картина собственной культуры сильно нагружена непосредственными жизненными впечатлениями, которые обычно весьма локальны и являются не более, чем фрагментами данной культуры. В то же время в современном глобализирующемся мире лишь немногие культуры выступают совершенно чуждыми друг другу. Мы все иностранцы, почти везде — гласит известная немецкая поговорка. Мы постигаем различные культуры с помощью средств массовой коммуникации, путешествий, путем личного общения; мы живем почти везде.

Итак, пытаясь понять различные культурные детерминанты, образующие условия рационального дискурса о культуре, мы можем провести различие по крайней мере между тремя разными уровнями.

Первый из них — это уровень конкретных жизненных впечатлений, изучения родного языка, долгосрочных отношений с людьми (родителями, родственниками, одноклассниками, учителями, предметами малой родины — домом, местностью). Здесь в основном имеет место практическое, неосознаваемое, эмоциональное овладение культурой. На втором уровне (путешествия, общение с иностранцами, изучение иностранных языков) индивид приобретает знание инокультурной реальности, в которой привычные решения обычных проблем имеют очень ограниченный характер. Слова здесь обладают необычными значениями, отношения между людьми выглядят странно, социальное окружение ведет себя непредсказуемым образом. Это уровень проблематизации здравого смысла и обыденной реальности, который дает возможность рас-